

Город как ассамбляж: к теории гетерополиса

doi: 10.22394/2074-0492-2021-4-35-54

Резюме:

Данная статья посвящена концептуализации города в теории ассамбляжа Мануэля Деланды. Мы покажем, каким образом предложенная им система различений (построенная вокруг трех оппозиций: «экспрессивное / материальное», «территоризация / детерриторизация» и «кодирование / декодирование») позволяет объяснить природу городской гетерогенности. Город как ассамбляж — это «неединое целое», демонстрирующее «суверенитет без самореференции», парадоксальную устойчивость отношений между разнородными элементами. Особое внимание в тексте уделено оппозиции «связности / сегментарности». Заимствуя эту концептуальную пару из работ Ж. Делеза, Деланда переставляет акценты, в результате чего сегментация пространства — аналог феномена расцепления (disentanglement) в акторно-сетевой теории — выносится за скобки его аналитического нарратива. Мы попытаемся исправить это досадное упущение, вернув понятие сегментарности в язык ассамбляжного урбанизма. Другая задача текста — наметить возможные сценарии трансформации городских ассамбляжей. Опустевшие улицы «карантинных городов», перенос публичных городских мероприятий в онлайн, развитие сервисов доставки и постепенное отмирание привычных социальных практик — все эти наблюдаемые феномены могут быть проанализированы как атрибуты процессов «детерриторизации» и «ретерриторизации» в языке ассамбляжного урбанизма.

Ключевые слова: ассамбляж, Деланда, социология города

Вахштайн Виктор Семенович — декан факультета социальных наук, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН); декан философско-социологического факультета, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). Научные интересы: социология повседневности, социология города, теория ассамбляжей, фрейм-анализ, эпистемология социальных наук. E-mail: avigdor2@yahoo.com

Данный текст представляет собой переработанный фрагмент книги [Вахштайн 2022].

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Acknowledgements: The present paper was prepared as part of the research work within the state assignment of the RANEP.

Victor S. Vakhshayn¹

RANEPA; MSSES, Moscow, Russia

The City as an Assemblage: Towards a Theory of Heteropolis

Abstract:

This article is devoted to a conceptualization of the city through the assemblage theory of Manuel DeLanda. We will show how his system of distinctions (built around three oppositions: “expressive/material”, “territorialization/deterritorialization”, and “encoding/decoding”) explains the nature of urban heterogeneity. The city as an assemblage is “not a single whole”, demonstrating “sovereignty without self-reference”, a paradoxical stability of relations between heterogeneous elements. Particular attention in the text is devoted to the “connectedness/segmentarity” opposition. Borrowing this conceptual pair from the works of G. Deleuze, DeLanda rearranges the focal points, as a result of which the segmentation of space — an analogue of the disentanglement phenomenon in actor-network theory — is taken out of the brackets of his analytical narrative. We will try to correct this unfortunate omission by returning the concept of segmentation to the language of assemblage urbanism. Another aim of the text is to outline possible scenarios for the transformation of urban assemblages. The empty streets of “quarantine cities”, the transfer of public city events online, the development of delivery services and the gradual death of familiar social practices — all these observable phenomena can be analyzed as attributes of the processes of “deterritorialization” and “reterritorialization” in the language of assemblage urbanism.

Keywords: assemblage, DeLanda, urban sociology

В начале 2000-х философ Мануэль Деланда стал символом нового теоретического движения: теории ассамбляжа (укоренившейся в социологии города под именем «ассамбляжного урбанизма» [Деланда 2018]). И хотя сегодня этот проект вызывает массу вопросов — главный из которых: а является ли он вообще социологической теорией? — есть несколько причин нанести имя Деланды на карту современной социологии. Во-первых, по степени влияния на исследования города теория ассамбляжа уже превосходит социальную топологию Джона Ло и акторно-сетевую теорию Брюно Латура. Концептуализация «город как ассамбляж» работает в прикладных исследованиях (дру-

1 Victor S. Vakhshayn — PhD in Sociology (HSE, Moscow). Dean, Faculty of Sociology, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES); Dean, Faculty of Philosophy and Sociology. Research interests: sociology of everyday life, sociology of the city, theory of assemblages, frame analysis, epistemology of social sciences. E-mail: avigdor2@yahoo.com

гой вопрос — как она работает). Во-вторых, на сегодняшний день это единственный последовательный делезианский проект в социологии. Деланда занимает по отношению к Жилью Делезу ту же позицию, которую Альфред Шюц — по отношению к Э. Гуссерлю, а Питер Уинч — к Л. Витгенштейну. Это позиция переводчика на социологический язык. И каждый раз, когда мы критикуем Деланду «за Делеза», говоря, что тот «эзотеричен», «туманен» или вообще «непригоден для социологической рецепции», стоит вспомнить, как современники воспринимали усилия Шюца и Уинча. Третье соображение касается рецепции философии Лейбница в социологической теории. «Поворот к материальному» в современной социологии тесно связан с лейбницевским ренессансом. Брюно Латур обращается к наследию Лейбница через «Монадологию и социологию» Г. Тарда [Тард 2016]. Ло — через топологическую интуицию «analysis situs» [Ло 2006]. Деланда предлагает третий канал такого импорта: через делезовскую теорию сборки [Делез 2015]. В этой статье мы попытаемся реконструировать основные различия теории ассамбляжа и прояснить стоящие за ними интуиции. А заодно ответить на вопрос: что случилось с идеей «сегментарности» — казалось бы, центральной для «ассамбляжного урбанизма» — в результате такого транспонирования из философии в социологию.

37

Начнем, впрочем, не с теории, а с интуиции.

В любом крупном населенном пункте есть парки, где вы можете — при определенном усилии воображения — представить себя «загородом». В Москве это, к примеру, парк «Коломенское». Нужно только войти в него со стороны метро «Каширская», повернувшись спиной к проспекту Андропова, и сразу спуститься в овраг, подальше от людей и городских шумов. Благодаря холмистому рельефу, ручью и обилию зелени в какой-то момент может создаться впечатление, что парк — не часть Москвы. Он одновременно расположен в мегаполисе и внеположен ему. Деревья принадлежат иному порядку вещей, они безразличны к процессам, протекающим за пределами парка. Парк — самостоятельная экосистема, живущая и развивающаяся по своей собственной, не городской логике. Фрагмент «естественного» леса, окруженный «искусственными» каменными джунглями, парк — *иное* мегаполиса. Но это не так. Выросший на окраине совсем другого города, в пятнадцати минутах ходьбы от настоящего леса (в котором можно было заблудиться и спустя четыре часа оказаться в заброшенной деревне), я вряд ли перепутаю парк с лесом. Каждое дерево в «Коломенском» — это городское дерево. Оно было отобрано, отделено, преобразовано и встроено в иной порядок существования. Дерево в парке «знает» о том, что растет не в лесу [Kohn 2013]. Впрочем, от этого оно не перестает быть деревом и не теряет своих конститутивных свойств.

Ежегодный парад победы 9-го мая для Москвы — знаковое мероприятие, прерывающее городскую рутину. Но не менее (если не более) экстраординарным событием оказывается репетиция парада в первой неделе мая. Город замирает. Центральные улицы перекрываются. Невероятное скопление полицейских и пожарных машин вдоль следования колонны военной техники. Прохожие толпятся на тротуарах, стараясь занять места с наилучшим обзором — чтобы заснять «Искандеры» и новые Т-14 у метро «Баррикадная». Привычный до неразличимости ландшафт московских улиц остранивается присутствием на них ракет «Тополь-М». Заинтересованный наблюдатель может обратить внимание на то, как (по сравнению с 2015-м годом) увеличилось количество техники, предназначенной для ведения уличных боев: от новинок отечественного автопрома до новых багги «Росгвардии» («Чаборз-М3»). Но первое смутное ощущение: «Это не отсюда. Это не может быть здесь».

38

Кажется, что военная техника эволюционирует в своей собственной логике, никак не связанной с городской повседневностью. Ракеты, предназначенные для уничтожения городов, — и по своим афордансам, и по сценариям использования [Вахштайн 2021] — суть *антигородские* объекты на городских улицах. Но так ли это? Ведь даже ширина улиц, по которым идет колонна военной техники 4-го мая, — равно как и высота окружающих их зданий — определена во многом именно военными соображениями. Широкие проспекты в случае бомбардировок и возникновения завалов из разрушенных домов должны обеспечить беспрепятственное прохождение бронетехники (а заодно предотвращать возникновение «огненных смерчей»). Метро строится как сеть бомбоубежищ. Несколькими столетиями раньше широкие парижские бульвары прокладывались в логике «простреливаемости»: уличные баррикады времен Парижской Коммуны многому научили городские власти. Даже если современные города не являются прямыми порождениями военной машины, невозможно отрицать то влияние, которое оказала эволюция средств уничтожения на эволюцию градостроения.

Два переломных момента в военной истории прошлого столетия, непосредственно отразившиеся на логике городского планирования: масштабное использование военной авиации и гонка вооружений. «К 1950-м годам, — пишет Скотт Маккуайр, — военные стратеги рассматривали город уже не как цитадель, которую нужно занять, а как цель, которую необходимо уничтожить... Киттлер утверждает: “Объектом тотальной воздушной войны, начавшейся в 1942 году, вновь стали города. Но “единицей”, подлежащей уничтожению, были уже не люди. Для зажигательных бомб это город, для атомных — крупный город, для водородных — мегаполис» [Kittler 1996: 727]”. Именно возможность ядерного конфликта была главным побудительным мотивом для создания децентрализованной коммуникационной системы,

которая в результате превратилась в Интернет. Поиски “постапокалиптического порядка”, проводимые военными, были парадоксальны тем, что эта задача требовала создания систем с обратной связью, рефлексивных и автономных. По мнению Рейнхольда Мартина, возникновение “организационного комплекса” с “распределением городских инфраструктур в пределах все более горизонтальной сети коммуникационных и транспортных линий” связано с ожиданием ядерной катастрофы. Организационный комплекс должен быть средством тактической защиты не только от внешнего, но и от внутреннего врага — “беспорядка, который наступил бы после распада централизованного управления и гражданских структур власти в первый период после ядерного удара” [Martin 2003: 7] [Маккуайр 2014: 96-97].

Тополь в «Коломенском» и «Тополь-М» на «Баррикадной» лишь на первый взгляд не являются городскими объектами. Каждый из них — сингулярность, точка на морфогенетической эволюционной линии и каждый — принадлежит иному, не городскому порядку. Но город селективным образом отбирает свои объекты из крайне гетерогенного множества элементов, связывая их причудливым и в то же время устойчивым образом. Так возникает интуиция новой «неживой жизни», центральная интуиция города как ассамбляжа.

39

Первая книга Мануэля Деланды, принеся ему известность, посвящена как раз эволюции систем вооружения. Предмет своего исследования Деланда обозначает делезовским термином «машинный филум»: «Если раньше считалось, что только биологические явления важны для изучения эволюции, то сегодня выясняется, что и инертная материя способна порождать структуры, которые могут подвергаться естественному отбору. Словно бы мы открыли некую форму “неорганической жизни”. Для ее осмысления я позаимствовал у философа Жюль Делеза понятие “машинного филума” (phylum) — этот термин он придумал для обозначения всей совокупности самоорганизующихся процессов во Вселенной. К ним относятся все процессы, в которых группа ранее не связанных элементов внезапно достигает критической точки, в которой они начинают “кооперировать”, образуя единую сущность более высокого уровня» [Деланда 2015: 14].

Возьмем относительно простую на первый взгляд эволюционную линию машинного филума — развитие огнестрельного оружия. Солдат спускает курок, пуля летит, противник получает ранение. До определенного момента (точки бифуркации) это не одна, а три разных операции, подчиненных трем разным логикам. Деланда называет их стадией толчка (включающей в себя все события, предшествующие выбросу снаряда), баллистической стадией (все события, происходящие с момента отделения снаряда от дула и до его соприкосновения с мишенью) и стадией поражения (событие воздействия снаряда на мишень). До изобретения конусовидной пули они

представляют собой три относительно автономных кластера событий. Чтобы появилась такая вещь, как «логика современной войны», должна произойти определенная сборка элементов — человеческих и не-человеческих, материальных и нематериальных. Собственно, «сборка» — второй ключевой термин, заимствуемый Деландой у Делеза и Гваттари: «Будем называть сборкой любую совокупность сингулярностей и черт, изымаемых из потока — отобранных, организованных, стратифицированных — таким образом, чтобы искусственно и естественно сходиться...» [Делез, Гваттари 2010: 687]. То, что Деланда называет машиной — не столько технология, сколько способ стыковки гетерогенных элементов в функциональное целое: «...когда часы из-за появления парового двигателя перестали выступать господствующей формой технологии, люди стали собирать другие “машины”, следуя новой модели. Поэтому, если армии Фридриха Великого можно считать хорошо смазанным часовым механизмом, армии Наполеона собирались скорее как двигатель» [Деланда 2015: 202].

40

Часы — мотор — компьютерная сеть. Такова линия эволюции военных технологий. Можно ли проследить аналогичную логику в развитии городов? В более поздних своих текстах Деланда отказывается это делать — слишком велик риск уйти в семиотический поиск «порождающих структур» города. Городские ассамбляжи определяются не своими «моделями» и «типами», а конкретными способами сборки элементов в устойчивую сеть материальных и нематериальных объектов. Куда важнее то, как городские ассамбляжи стабилизируются и воспроизводятся, как им удается создавать иллюзию целостности, устанавливать внутреннюю иерархию, поддерживать собственные границы и связи с другими городами-ассамбляжами. Деланда пишет: «На уровне городских центров, последователи Броделя указывали на важнейшую роль, которую играли города разных типов в западной и незападной истории. В их исследованиях проводится различие между ролью региональных столиц, часто располагавшихся в глубине суши, и ролью приморских городов. Сухопутный город, выполняющий функции политической столицы данного региона, может поддерживать известное единообразие собственной культуры и иерархии подчиненных ему небольших городов. В качестве примера можно упомянуть Париж, Вену и Мадрид — три удаленные от моря столицы, сумевшие со временем создать более или менее однородную культуру, которая позднее была экспортирована в небольшие провинциальные города. В то же время город может служить воротами для чужих культур — как в случае многих морских центров прошлого, таких как Венеция, Лиссабон или Амстердам. В результате формируются не иерархии, а сети подобных городов, обеспечивающие вход и распространение разнородных материалов, повышающих их разнообразие и разнообразие тесно контактирующих с ними городов [Hohenberg, Lees 1985]. Очевидно, что

здесь важно не упустить эссенциалистское или типологическое мышление с черного хода, принимая эти два типа городов как данность. Напротив, необходимо подчеркнуть контингентность исторических факторов, приведших к формированию данного различия. Одним из таких факторов была разница в скорости между наземным и морским транспортом, которая приводила к двум разным городским структурам. Относительная медлительность наземного транспорта благоприятствовала иерархиям городов, находившихся на определенных расстояниях друг от друга, в то время как быстрота морских перевозок означала, что портовые города находились в гораздо более тесном контакте друг с другом, чем с городами, расположенными на их собственных сухопутных задворках. Когда железные дороги аннулировали эту разницу в скорости, было в основном устранено и различие указанных городских структур, что привело к появлению сухопутных «портов», таких как Чикаго» [Деланда 2018: 51].

Ассамбляж — это «неединое целое». Его компоненты не являются его частями в прямом смысле слова. Ассамбляж — не агрегат. Свои свойства он получает исключительно из взаимодействия его элементов [Там же: 13]. Пример ассамбляжа, который приводит сам автор: отношения симбиоза (сборка «орхидея — оса»).

41

Использование деландовской метафорики не должно приводить нас к мысли о том, что «все сойдет» или «все связано со всем». Напротив. Как замечает по поводу ассамбляжного подхода Грэм Харман: «Деланда предлагает критерии того, что производит реальный ассамбляж. Один из них — что ассамбляж способен задним числом влиять на свои части. Абсурдность ассамбляжа Океан — Эксканцлер — Монета — Фасоль, нелепость его как всего лишь плода воображения частично демонстрируется тем, что он не влияет на каких-либо своих участников. Напротив, реальные ассамбляжи — это Лондон или Каир, Opus Dei, паучья паутина и Мальтийский орден. Ассамбляж вводит свои элементы в новые ситуации и отношения. Для Деланда эмерджентные качества — еще один знак того, что ассамбляж реален. Opus Dei способен на бичевания и отравления, на которые в одиночку решились бы лишь немногие из его членов... Традиционный реализм допускал только два онтологических уровня: субстанцию и агрегат. Деланда допускает бесконечное число уровней и, возможно, бесконечный регресс или бесконечный прогресс разномасштабных ассамбляжей» [Харман 2017: 11].

Вопрос масштаба, о котором пишет Харман, становится центральным, когда речь заходит о переносе теории Деланды в область городских исследований [Dovey 2010]. Ассамбляжи могут встраиваться в другие ассамбляжи. Значит ли это, что масштабные ассамбляжные образования менее (как утверждают номиналисты) или более (как полагают традиционные реалисты) «реальны» чем их компоненты?

Утвердительный ответ на этот вопрос означал бы отказ от онтологии плоского мира. Деланда анализирует несколько уровней сборки: а) люди и сети, б) организации и правительства, в) города и государства. Но ни один из них не получает онтологического приоритета. Более того, ни один из них не считается самостоятельным уровнем: «...межличностные сети и институциональные организации являются ассамбляжами людей; движения социальной справедливости — это ассамбляжи сетей из нескольких сообществ; центральные правительства — это ассамбляжи нескольких организаций; города — это ассамбляжи людей, сетей, организаций, равно как и ряда инфраструктурных компонентов: от зданий и улиц до трубопроводов для потоков материи и энергии; государства — это ассамбляжи городов, географических регионов, образованных городами, и провинций, сформированных несколькими подобными регионами» [Деланда 2018: 13]. И все вышеперечисленное находится на одном онтологическом уровне — города, здания, люди и организации.

42

Наконец, последнее замечание о тех концептуальных ловушках, от которых нас (по идее) должна уберечь теория сборки. Ассамбляжи бросают вызов *тотальностям*: будь то функционалистская тотальность общества как Большого Животного, дюркгеймовская тотальность Высшего Существа, гегелевская тотальность Абсолютного Духа или даже гидденсовская тотальность Повседневной Практики. По сути, речь идет о любых теориях, в которых целостности определены «...отношениями интериорности: части-компоненты конституируются отношениями с другими частями в этом целом. Отделенная от целого часть перестает быть собой, так как быть частью — это одно из конституирующих ее свойств» [Там же: 18]. Напротив, ассамбляж — это «...целое, составные части которого самодостаточны и находятся в *отношениях экстериорности*». Как замечает Грэм Харман: «Не существует внутренних отношений между отдельными вещами. Отношения внешни по отношению к своим членам, как в известном высказывании Делеза. Органические и неорганические объекты свободно движутся из ассамбляжа в ассамбляж, иногда несколько не меняясь. Автомобильные запчасти легко переставляются с одной машины на другую, а футболисты, переходящие из клуба в клуб, сохраняют большую часть своих качеств без изменений» [Харман 2017: 11]. Именно «качеств» (или «свойств»). Деланда различает *свойства* объектов — то, чем они обладают сами по себе — и их *способности*, которые открываются только во взаимодействии друг с другом.

Танки, городские улицы и деревья в парке не образуют никакой тотальности, не соединяются в «бесшовное целое» под названием «город». Но их взаимодействие — актуальное (в случае с деревьями) или потенциальное, принимаемое в расчет (в случае с танками) — и делают город городом.

Городской ассамбляж: между зданием и государством

Допустим, что и город в целом, и отдельное здание — суть ассамбляжи, различающиеся масштабом и принципом сборки. Здесь Деланда проводит свое ключевое различие: «Первое измерение, или ось, определяет вариативные роли компонентов ассамбляжа — от чисто *материальной* роли на одном конце оси, до чисто *экспрессивной* на другом» [Деланда 2018: 21]. К примеру, в таком ассамбляже как приватный разговор двух людей материальную роль играет взаимная ориентация их тел. Разговор по телефону предполагает, что телефон встраивается в этот ассамбляж, но тоже как материальный компонент. К экспрессивным же характеристикам ассамбляжа «разговор» будет относиться поза, мимика, одежда говорящих, а также содержание разговора и его тема. Что означает это различие применительно к конкретному зданию? «Материальную роль в зданиях, — пишет Деланда — в первую очередь играют те компоненты, которые позволяют им быть успешными *несущими конструкциями*. В строениях в несколько этажей сами стены вкупе с колоннами и отдельными балками справляются с этой задачей, но для крупных зданий правительственных и религиозных учреждений, корпораций, по мере увеличения их высотности, полезными оказываются более сложные технологии» [Там же: 117]. Говоря об экспрессивных компонентах здания, Деланда добавляет к вполне очевидным элементам (фасад, декоративные детали интерьера и экстерьера etc.) два дополнительных маркера: все, что служит выражению сакрального значения (для церквей) и классовой принадлежности (для жилищ).

У Делеза и Гваттари к полюсу, который Деланда называет «экспрессивным», относятся характеристики, связанные с языком. Но такое решение означает, что биологические и технологические ассамбляжи лишены экспрессивного измерения. А потому Деланда дорабатывает теорию Делеза, расширяя класс «экспрессивного» — теперь сюда попадают гены (такой ход, впрочем, есть уже у Делеза), коды, программы, алгоритмы и иные компоненты ассамбляжей, обладающие иллюкативной силой. Впрочем, здесь нужно помнить, что материальными или экспрессивными могут быть только роли, но не сами компоненты — одни и те же элементы ассамбляжа могут выступать и в том и в другом качестве (ремень безопасности в автомобиле одновременно и материальный объект, оказывающий принудительное действие на ваше тело, и знак «Я пристегнут» для полицейских на обочине).

Проведем вслед за Деландой следующее различие: «Другое измерение определяет вариативные процессы, в которых задействуются данные компоненты и которые либо способствуют стабилизации идентичности ассамбляжа, повышая степень внутренней однородности или степень четкости его границ, либо дестабили-

зируют ее. Первые называются процессами *территоризации*, вторые — процессами *детерриторизации*. Один и тот же ассамбляж может содержать как компоненты, способствующие стабилизации его идентичности, так и компоненты, побуждающие его меняться или даже трансформироваться в другой ассамбляж» [Там же: 21]. Как это различие работает на примере зданий? Стабилизирующую роль (территоризация) здесь играет традиция, устоявшиеся практики строительства, использование привычных техник и материалов. Дестабилизация связывается Деландой сначала с рождением моды, затем — с появлением дисциплинарной власти (здесь, разумеется, следует ссылка на Фуко), и наконец — с техническим прогрессом.

Любопытно, что для Делеза «территоризация» напрямую не связана с привычным пониманием «территории». Деланда же настаивает: «Концепт территориализации... нужно понимать буквально. Разговоры тет-а-тет всегда происходят в определенном месте... Процессы территориализации — это в первую очередь процессы, которые очерчивают или делают более резкими пространственные границы определенных территорий» [Там же: 22-23].

44

Сделаем следующий шаг. Существуют «популяции» ассамбляжей. И в этих популяциях (например, зданий) могут формироваться «более крупные ассамбляжи, такие как спальные районы, торговые, промышленные и правительственные кварталы или даже моральные и аморальные зоны вроде кварталов красных фонарей» [Там же: 120-121]. Материальную роль в них играют физические локальности, где пересекаются пути жителей, центральные улицы, подземная инфраструктура. Экспрессивную — фасады, определяющие «лицо района» и центральные площади, создающие неравенство в территориальном распределении символического капитала. Территоризация района как ассамбляжа достигается благодаря процессам сегрегации и конгрегации. Сегрегация — это принуждение к объединению «извне». Примеры: черта оседлости, гетто или трущобы, обитатели которых не имеют возможности сменить место жительства. Конгрегация (и здесь Деланда цитирует географа Джеймса Вэнса) — это следствие взаимного притяжения связанных видов деятельности: «Будь то использование общих ресурсов, сбыт одним и тем же покупателям, принадлежность одному и тому же вероисповеданию, говорение на одном и том же языке» [Vance 1990 цит. по Деланда 2018: 122]. Детерриторизация района связана с повышением географической мобильности населения и, опять же, с техническим прогрессом: «Когда место работы было в пешей доступности, эти районы [рабочие кварталы в европейских городах XIX века — В. В.] имели четко очерченные границы, но по мере появления электро-транспорта, необходимость проживать в непосредственной близости к фабрикам исчезла и возникли новые пригороды рабочего клас-

са с более пористыми границами» [Деланда 2018: 123]. Ну и, конечно, Деланда не может обойти стороной центральную для городской географии тему Политика / Экономика. Борьба этих двух логик — законы о зонировании vs. земельная рента — также симметрично воплощаются в процессах территоризации / детерриторизации.

Следующий шаг предскажем. Районы как ассамбляжи тоже существуют в популяциях. Взаимодействие районов и кварталов порождает новый ассамбляж — город. Материальная роль отдается его «физической форме», включающей инфраструктуру и экологию. Экспрессивные характеристики выражаются, в частности, феноменом «городского силуэта» (понятие, так восхитившее Грэма Хармана, что он решил его позаимствовать для своего собственного теоретического проекта). Концепт силуэта схватывает «...ритмическое повторение архитектурных мотивов — барельефов и шпилей, минаретов, куполов и даже дымовых труб, водонапорных башен и котельных... Эти контуры, как бы ни были они невзрачны, веками оказывалось первым, что встречали взоры отовсюду стекавшихся в город людей и образуя своего рода визуальную подпись территориальной идентичности» [Там же]. Подпись, которая не ограничивается непосредственно воспринимаемыми силуэтами, но предполагает «целый ряд визуальных репрезентаций, обнаруживаемых на монетах, картинах и сувенирах, производимых для туристов» [Там же: 126].

45

Что обеспечивает территоризацию городского ассамбляжа? Физическая форма, повседневные практики и юридические привилегии. Жители древнегреческих городов в случае военной угрозы могли сосредоточиться и укрыться — по одиночке или семьями — в сельской местности. Напротив, в Средневековье жители европейских городов и окрестных деревень искали спасения за укрепленными стенами (что создавало чувство защищенности. «которое даже в отсутствие явного конфликта» помогало жителям сформировать внутригородскую идентичность). Если жители греческого полиса не переставали быть «горожанами», укрывшись в своих поместьях, то каменные стены средневекового города юридически «обозначали линию, за которой утрачивались привилегии горожан» [Там же: 128]. И тем не менее, обе формы территоризации — полисная и средневековая — по-разному, но все же работали на стабилизацию городских идентичностей. Пример детерриторизации — эффект расползания городов (*sprawl*), размывание их границ вследствие субурбанизации и развития транспортного сообщения.

Этажом выше, на уровне национальных государств, Деланда опишет феномен сетевых городов: «Более быстрая транспортировка предполагала, что узлы сети в определенном смысле ближе друг к другу, чем к расположенным на их задворках городам, которые не имели выхода к морю: новости, товары, деньги, люди, даже инфекционные заболевания — все перемещалось быстрее от узла

к узлу, чем это происходило от одного центрального места к другому» [Там же: 132]. Но мы не пойдем за автором так далеко.

Двух различий — материальное / экспрессивное и территориализация / детерриторизация — недостаточно для ответа на один важный для городского исследователя вопрос. Чем принципиально отличаются логики стабилизации ассамбляжей разных масштабов: здания, квартала и города? Здесь нам потребуется третье предложенное Деландой различие: *кодирование / декодирование*.

Стена в средневековом городе — это элемент, играющий одновременно экспрессивную и материальную роль. Он работает на территориализацию всего городского ассамбляжа. Но такая «первичная стабилизация» (или, как называет ее Деланда «первая артикуляция») городской идентичности — лишь один слой. На следующем этапе она дополняется появлением нарративов, превращающих стену в метонимию самого города, городскими легендами и мифами, визуальными репрезентациями и символикой. Возможно, даже идеологией «города-крепости» или «города-убежища», которая начинает жить своей жизнью, диктуя логику принятия политических решений. (Здесь уместно вспомнить древнюю иудейскую практику городов-убежищ и современные дебаты о «sanctuary cities» в США [Kerr 2019].) «Если территориализация обеспечивает первую артикуляцию компонентов, — пишет Деланда, — то *кодирование*... обеспечивает вторую артикуляцию, консолидирующую эффекты первой и стабилизирующую идентичность ассамбляжей» [Деланда 2018: 25]. Кодирование производится благодаря двум типам экспрессивных медиумов: словам и генам.

Кодирование придает ассамбляжу «рекуррентный» характер — теперь ассамбляжи могут реплицироваться и порождать целые популяции себе подобных. Ему противостоит процесс декодирования — накапливания случайных мутаций, образцов странного поведения, непредзаданной вариативности и выбивающихся из идеологической программы «ересей». Третья ось, которую Деланда предлагает в дополнение к двум основным, дает нам ресурсы для исследования интересующих нас кейсов: идеологии хипстерского урбанизма и архитектурной истории американской полиции [Вахштайн 2022]. А заодно — новые инструменты концептуализации больших данных и их роли в стабилизации городского ассамбляжа. Однако куда более важным кажется иной сюжет, лежащий в стороне от трех основных магистралей деландовской теории.

Связность пространства

Одни и те же компоненты ассамбляжей могут решать как экспрессивные, так и материальные задачи. Различие кодирование / декодирование (задача повторной артикуляции) относится к полюсу

экспрессии. Что располагается на полюсе материальности? Например, в случае здания, одни компоненты обеспечивают устойчивость (территоризация), будучи его несущими конструкциями. Об этом мы уже писали выше. Другие же компоненты «...играющие материальную роль, определяют *связность* “регионов” здания (*курсив автора* — В. В.). Если местом действия выступают станции, где ежедневно пересекаются пути огромного числа индивидов, участки, на которые эти станции подразделяются, должны быть связаны друг с другом так, чтобы была возможна циркуляция человеческих тел и множества иных материальных сущностей [Vance 1990]. В обычном жилище эта связность осуществляется за счет дверей, коридоров и лестничных пролетов, направляющих и разграничивающих людские потоки, а также за счет окон для циркуляции воздуха и света. В многоэтажных зданиях, с другой стороны, может потребоваться встроенная в них технология транспортировки. Таким образом, то же поколение, которое увидело ввод металлических каркасов, стало свидетелем трансформации старых приспособлений для вертикального перемещения в первые лифты, а также сопутствующих изменений в вертикальной связности зданий» [Деланда 2018: 117].

«Связность» в данном конкретном случае — не метафора, а концепт. Обеспечение связности — это одна из задач, которую выполняют компоненты ассамбляжа, играющие материальную роль. К примеру, в парижских особняках XVII столетия, приводит Деланда фрагмент исследований Фернана Броделя, комнаты на втором — «благородном» — этаже располагались анфиладой, и «чтобы добраться до лестницы всем, включая и слуг, занятых своими обычными хлопотами нужно было пересечь все эти комнаты» [Бродель 1986: 229-230]. Но сто лет спустя диспозиция приватных и публичных зон в благородных домах изменилась, спальни стали полностью обособленными, другие комнаты обособились благодаря их возросшей «специализации», возникли новые механизмы поддержания связности посредством сложной системы дверей и коридоров. Здесь напрашивается ход масштабирования: от связности комнат и этажей — к связности зданий и кварталов. Однако Деланда его не делает, оставляя концепт связности в стороне. И это уже само по себе любопытно.

Во-первых, потому что связность — это аналог топологического и акторно-сетевого понятия «сцепки» в языке теории ассамбляжей. Но если для социального тополога идея сцепления (entanglement) находится в фокусе внимания, то для Деланды она отступает на периферию, хотя и не исчезает из поля зрения.

Во-вторых, потому что связность у Деланды остается без своей второй половины. Где «расцепление», «disentanglement»? Почему у автора, столь последовательного в своем аналитическом изложении, мыслящего сопряжением бинарных оппозиций, вдруг исчеза-

ет обратная сторона различения? А вместо нее появляется мимолетная отсылка к понятию «регионализованной локальности» Энтони Гидденса. Но это слабый ход — механика регионализации и образования «станций» не находится с механикой обеспечения связности в отношениях, аналогичных оппозиции расщепления и сцепки.

Это досадное упущение приводит к тому, что Деланда, например, не замечает той работы расщепления, которую производит лифт, превращая небоскреб в архипелаг этажей [Вахштайн 2017]. Лифты, лестницы, коридоры, мосты и двери вдруг оказываются рядоположными и однопорядковыми инструментами сцепки. При том, что Жиль Делез — главный источник вдохновения и основной теоретический ресурс деландовской теории — подобно Латуру и Колхасу уделяет расщеплению особое внимание. Этот концепт у него носит название *сегментарности*.

48

«Мы сегментированы повсюду и во всех направлениях. Человек — сегментарное животное, — пишут Делез и Гваттари. — Сегментарность присуща всем komponующим нас стратам. Дом сегментируется согласно назначению его комнат; улицы — согласно порядку города; завод — согласно природе работы и операций. Мы бинарно сегментированы согласно крупным дуальным оппозициям — социальные классы, а также мужчины и женщины, взрослые и дети. Мы сегментированы циркулярно, во все более и более обширных кругах, все более и более широких дисках или венцах, подобно “письму” Джойса — мои дела, дела моего квартала, моего города, моей страны, мира... Мы сегментированы линейно, на прямой линии, по нескольким прямым линиям, где каждый сегмент представляет эпизод или “процесс”: только мы закончили один процесс, как уже начинаем другой, всегда производящий или производимый, в семье, школе, армии, профессии — школа говорит нам: “Ты уже не в семье”, и армия говорит: “Ты уже не в школе”. Порой разные сегменты отсылают к индивидам или группам, а иногда один и тот же индивид или одна и та же группа переходит от одного сегмента к другому. Но эти фигуры сегментарности — бинарность, циркулярность, линейность — всегда схвачены одна в другой, и даже переходят одна в другую, трансформируются в зависимости от точки зрения» [Делез, Гваттари 2010: 127].

Именно на идею сегментарности (а не связности) обратят внимание те современные философы, которые — в пике Деланде — попытаются вернуть социальным теоретикам «аутентичного» Делеза. «Территориальные ассамбляжи, — пишет Томас Нэйл, автор книги с характерным названием “Теория границы”, — функционируют по принципу игры в чехарду. Они устанавливают пределы и тем самым создают условия их преодоления. В каждый момент времени территория размечена, и ее “внешнее” создается самим процессом разметки или “вырезания” (detachment)» [Nail 2016: 30]. Аналогичным образом со-

временные архитекторы — главные импортеры теории ассамбляжа в городские исследования¹ — возвращаются от Деланды к Делезу, когда речь заходит о концептуализации «места»; типы сегментарности (бинарный, циркулярный и линейный) становятся ключами к пониманию эволюции архитектурных форм [Dovey 2010: 18-19].

Необходимо вернуть понятие сегментарности в теорию ассамбляжей именно в паре с категорией связности. Тогда диаграмма ассамбляжа будет состоять из четырех различий.

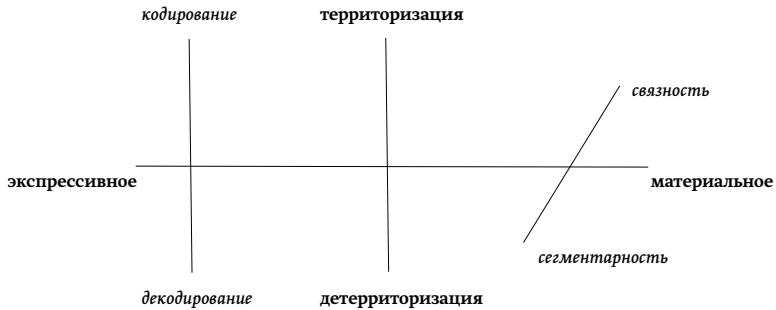


Рис. 1. Диаграмма ассамбляжа

Fig. 1. Assembly diagram

Можно ли сказать, что связность имеет отношение к территориализации, а сегментарность — к детерриторизации, но только на полюсе материального? Подобно тому, как операции кодирования / декодирования соотносятся с этим центральным различием на стороне экспрессивного? Нет. Различение сегментарность / связность лежит в иной плоскости. Железная дорога, связавшая Макондо с остальным миром, привела к его детерриторизации. Включение гетто в город посредством увеличения проходящих сквозь него транспортных путей приводит к прекращению его существования как обособленной территории. Напротив, усиление связности между компонентами городского ассамбляжа (например, строительство московских центральных диаметров) — часть процесса территориализации. Аналогичным образом: сегментарность, появившаяся в результате распространения лифтов, детерриторизовала здание как целое. Тогда как сегментарность городской стены средневекового поселения — это территориализующая сегментарность.

1 Сопоставления двух траекторий импорта теории ассамбляжей — в исследования архитектуры и социологию города — могло бы стать предметом отдельной статьи. Интересные теоретические решения предложены в работах: [McFarlane 2011; Майорова 2017].

Проблема гетерополиса

Что отличает мегаполис от остальных форм человеческого общежития? Кажется, ответ содержится в самом названии — масштаб. Рассуждая о *мегаполисах* как об «очень больших городах», мы интуитивно принимаем аксиоматическое допущение о переходе количества в качество: 20 миллионов человек — не то же самое, что 20 тысяч. Аналогичным образом теоретики конца XIX столетия проводили границу между городом и деревней.

Луис Вирт был, вероятно, одним из первых исследователей, противопоставивших идее масштаба идею *гетерогенности*. Важно не количество жителей, а их предельная чужеродность друг другу. Город — что-то наподобие бара из «Звездных войн». Горожанин — чужой среди чужих. И потому принципиальной становится механика связывания, сцепления, соединения. Вирт, впрочем, ограничился только одним типом гетерогенности — социальным. Сегодня же мы можем говорить как минимум о пяти разнородностях — разнородности мест, объектов, агентов, концептов и действий.

50

Город Деланды подобно Нью-Кробюзону из фантастических романов Чайны Мьевилля [Мьевиль 2006] — яркий пример гетерополиса, города, созданного не масштабом, а градиентом различия. Именно соположение и сцепка компонентов, принадлежащих принципиально разным стратам и порядкам существования, придают ему устойчивость и жизнеспособность.

Гетерогенность — давний фетиш акторно-сетевой теории и социальной топологии. Отталкиваясь от идеи Фуко о гетеротопиях [Фуко 2006], наполняя ее новым содержанием, взятым из материальной семиотики [Hetherington 1997], жители Латурвилля и Лейбницштадта возвели гетерогенность в культ. Но ни в текстах Латура, ни в работах Ло (ни тем более в канонической лекции Фуко «Другие пространства») мы не найдем внятной концептуализации этой разнородности — лишь указание на ее универсальный и всепроникающий характер. «Любое действие, — пишет Латур, — будет прокладывать свою траекторию через совершенно чуждые друг другу модусы существования, соединившиеся именно благодаря своей гетерогенности» [Латур 2014: 107]. Ло добавляет к этому гимну еще один куплет: «Следовательно, нужны гетерогенность и изменение. Речь идет о том, чтобы последовать за королевой из книги Льюиса Кэрролла, играть со способностью помыслить шесть невозможных вещей до завтрака и культивировать ее» [Ло 2015: 22-23]. Достаточно сказать, что личный сайт Джона Ло называется *heterogeneities.net*.

Последние несколько лет Латур сам периодически иронизирует над созданным им культом гетерогенности. В работе о модусах существования он «...размышляет о воображаемом этнографе, которая

только-только освоила метод акторно-сетевой теории и сообщает, что, “к ее великому смущению, проводя исследования в областях права, науки, экономики и религии, она начала чувствовать, что во всех случаях говорит почти одно и то же, а именно, что они «гетерогенным образом собраны из неожиданных элементов, обнаруженных в исследовании». Хотя этнограф “движется от одной неожиданности к другой... к ее удивлению, это перестает быть неожиданным... поскольку все элементы неожиданны одинаково” [Latour 2013: 35] [Харман 2018: 31-32]. Кажется, теория ассамбляжей позволяет прояснить идею гетерогенности, принятую по умолчанию в акторно-сетевой теории. Сделаем шаг в сторону — в сторону гетерогенности, но за пределы Сьюдад Деланда.

Представим на минуту некоторую совокупность операционно замкнутых порядков, каждый из которых является аналогом аутопий-етической системы [Луман 2007] или — в менее жесткой формулировке — множеством однородных элементов, реферирующих друг к другу. Их существование подчинено общей логике, отношения между ними — это отношения интериорности, каждый из таких элементов — «общей силы частица» и ни один не может быть помыслен в отрыве от формирующих его отношений с другими аналогичными элементами. Характеризуя компоненты операционно замкнутых порядков, мы делаем акцент на предикатах: *религиозные верования, биологические организмы, финансовые активы, технологические объекты, повседневные практики*.

51

Однако городские объекты не образуют отдельного класса или системы, они не сводимы друг к другу и не могут быть выражены друг через друга, отношения между ними ничем не напоминают ни отношения слов в языке, ни органов — в теле, ни атомов — в молекуле. Гетерополис — это пространство онтологической инореференции. Здесь доминируют слабые связи и между людьми, и между объектами. Мы можем говорить о гетерогенности лишь тогда, когда в соединении вступают элементы, принадлежащие принципиально различным порядкам существования.

Теперь представим себе континуум, на одном полюсе которого — замкнутые аутопийетические системы (в духе известной лумановской максимы: «нет ничего в системе, что не принадлежало бы системе, нет ничего вне системы, что принадлежало бы системе»), а на другом — случайная выборка ничем не объединенных и ничем не связанных объектов в духе мысленного эксперимента Грэма Хармана «Океан — Эксканцлер — Монета — Фасоль». Ассамбляж будет располагаться ровно посередине — хрупкое соединение, сборка, демонстрирующая, тем не менее, удивительную живучесть, воспроизводимость и самозаконность. Суверенитет без самореференции. Симбиоз орхидеи и осы.

Следовательно, есть три способа утраты гетерополисом своего относительного суверенитета. Во-первых, распад слабых связей, переход в состояние случайного набора элементов (детерриторизация). Во-вторых, замена слабых связей сильными, превращение в множество гомогенных и функционально связанных элементов (геттоизация). В-третьих, разделение одного ассамбляжа на несколько внутренне связанных, но не «сцепленных» между собой ассамбляжей (партеногенез).

Радикальная пересборка городской жизни в период пандемии 2020-2022 годов дает нам немало эмпирических примеров всех трех механизмов.

Библиография / References

Бродель Ф. (1986) *Структуры повседневности. Материальная цивилизация, экономика и капитализм*. Т.1. М.: Прогресс.

— Braudel F. (1986) *Structures of everyday life. Material civilization, economy and capitalism*. Т.1. Moscow: Progress. — in Russ.

Вахштайн В. С. (2017) Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1. *Логос*, 27(2).

— Vakhshayn V.S. (2017) Reassembly of everyday life: drones, elevators and the PKM-1 project. *Logos*, 27(2). — in Russ.

Вахштайн В. С. (2021) *Техника или Обаяние прогресса*. СПб.: ЕУ.

— Vakhshayn V.S. (2021) *Technique or Charm of Progress*. St. Petersburg: EU. — in Russ.

Вахштайн В. С. (2022) *Воображая город. Введение в теорию концептуализации*. М.: НЛО.

— Vakhshayn V.S. (2022) *Imagining a city. Introduction to the theory of conceptualization*. М.: NLO. — in Russ.

Деланда М. (2015) *Война в эпоху разумных машин*. М.: Кабинетный ученый.

— Delanda M. (2015) *War in the Age of Intelligent Machines*. М.: Armchair scientist. — in Russ.

Деланда М. (2018) *Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность*. Пермь: Hyle press.

— Delanda M. (2018) *A new philosophy of society. The theory of assemblages and social complexity*. Perm: Hyle press. — in Russ.

Делез Ж. (2015) *Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87*. М.: Ад Маргинем Пресс.

— Deleuze J. (2015) *Lectures on Leibniz. 1980, 1986/87*. Moscow: Ad Marginem Press. — in Russ.

Делез Ж., Гваттари Ф. (2010) *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: Фактория.

— Deleuze J., Guattari F. (2010) *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Yekaterinburg: Factory. — in Russ.

Латур Б. (2014) *Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию*. М.: ГУ-ВШЭ.

— Latour B. (2014) *Reassembly of the social. Introduction to actor-network theory*. М.: GU-HSE. — in Russ.

Ло Дж. (2006) Объекты и пространства. *Социологическое обозрение*, 1.

— Law J. (2006) Objects and spaces. *Russia Sociological Review*, 1. — in Russ.

Ло Дж. (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука*. М.: Институт Гайдара.

— Law J. (2015) *After Method: Disorder and Social Science*. М.: The Gaidar Institute. — in Russ.

Луман Н. (2007) *Введение в системную теорию*. М.: Логос.

— Luman N. (2007) *Introduction to systems theory*. М.: Logos. — in Russ.

Майорова К. (2017) Новые онтологии архитектуры и архитектуры новых онтологий. *Социология власти*, 1.

— Mayorova K. (2017) New ontologies of architecture and architecture of new ontologies. *Sociology of Power*, 1. — in Russ.

Маккуайр С. (2014) *Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство*. М.: Strelka Press.

— McQuire S. (2014) *Media City: Media, Architecture and Urban Space*. Moscow: Strelka Press. — in Russ.

Мьевиль Ч. (2006) *Вокзал потерянных снов*. М.: Эксмо.

— Mieville C. (2006) *Station of Lost Dreams*. Moscow: Eksmo. — in Russ.

Тард Г. (2016) *Монадология и социология*. Пермь: Hyle press.

— Tarde G. (2016) *Monadology and sociology*. Perm: Hyle press. — in Russ.

Фуко М. (2006) Другие пространства. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. М.: Праксис.

— Foucault M. (2006) *Other spaces. Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews*. М.: Praxis. — in Russ.

Харман Г. (2018) *Имматериализм. Объекты и социальная теория*. М.: Институт Гайдара.

— Harman G. (2018) *Immaterialism. Objects and social theory*. Moscow: Gaidar Institute. — in Russ.

Харман Г. (2017) Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда. *Логос*, 3.

— Harman G. (2017) Networks and assemblages: the rebirth of things in Latour and Delanda. *Logos*, 3. — in Russ.

Amin A., Thrift N. (2017) *Seeing like a city*. Cambridge: Polity.

Callon M. (1998a) Introduction: The embeddedness of economic markets in economics. *The Laws of the markets*. Oxford: Blackwell Publishers.

Callon M. (1998b) An essay on framing and overflowing: economic externalities revisited by sociology. *The Laws of the markets*. Oxford: Blackwell Publishers.

Dovey K. (2010) *Becoming places: Urbanism / Architecture / Identity / Power*. London: Routledge.

Hetherington K. (1997) *The Badlands of modernity: Heterotopia and social ordering*. London, Psychology Press.

Hohenberg P. M., Lees L. H. (1985) *The Making of urban Europe, 1000–1950*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Kerr J. (2019) *The Debate on Sanctuary Cities*. Доступ через <<https://digital.thechicagocouncil.org/sanctuary-jurisdictions>>.

Kittler F. (1996) The city is a medium. *New Literary History*, 27(4).

Kohn E. (2013) *How forests think: Toward an anthropology beyond the human*. Berkeley: University of California Press.

Latour B. (2013) *An Inquiry into modes of existence*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Martin R. (2003) *The Organizational complex: architecture, media and corporate space*. Cambridge, MA: MIT Press.

McFarlane C. (2011) The City as assemblage: Dwelling and urban space. *Environment and Planning D: Society and Space*, 29.

Nail T. (2016) *Theory of the border*. Oxford: Oxford University Press.

54

Vance J. (1990) *The Continuing city: Urban morphology in Western Civilization*. NY.: Johns Hopkins University Press.

Рекомендация для цитирования:

Вахштайн В. С. (2021) Город как ассамбляж: к теории гетерополиса. *Социология власти*, 33 (4): 35-54.

For citations:

Vakhshayn V. S. (2021) The City as an Assemblage: Towards a Theory of Heteropolis. *Sociology of Power*, 33 (4): 35-54.

Поступила в редакцию: 12.12.2021; принята в печать: 21.12.2021

Received: 12.12.2021; Accepted for publication: 21.12.2021